

Встречи

Владимир
ШАИНСКИЙ:

ВСЕ МЫ НЕМНОЖКО ДЕТИ...

С КОМПОЗИТОРОМ Владимиром Яковлевичем Шаинским мы беседуем в его квартире. Осматриваюсь: роль... Лужи, коньки, гантели, книги, тут же — турник, с потолка свешивается канат. А по стенам — Чебурашки, Чебурашки, крокодилы Гены... Из дерева, шишек, папье-маше, нарисованных, выпиленных, подаренных композитору мальчиками, девочками, солдатами, железнодорожниками, моряками. А рядом — портреты Рахманинова, Шостаковича, Прокофьева... Вспоминаю о Корнее Ивановиче Чуковском. О его ребячестве и взрослой мудрости. Дети поют песни Шаинского в том же возрасте, в каком читают «Муху-Цокотуху» и «Айболита».

Популярность «Улыбки», «Антошки», «Кузнечика», «Голубого вагона», других детских песен Шаинского с годами не уменьшается. Их любят взрослые. А «взрослые» песни Шаинского с упоением поют дети. «Не плачь, девчонка», «Детектив» (Спасите, спасите...), «Цыганский хор»... И вообще, мне кажется, в музыке Владимира Яковлевича есть нечто, делающее ее понятной людям любого возраста и образования. «Травы», «Дрозды», «На дальней станции сойду», «Береза белая», «Через две зимы», «Идет солдат по городу»... Чем же нравятся его песни? Вопрос задаю себе — у автора такое не спрашивают.

— Владимир Яковлевич, а вы предпочитовали, что «Песня крокодила Гены», например, будет иметь такой успех?

— Нет. К тому же стихи мне не нравились. Раздражали слова: «Я играю на гармошке». Зачем Гене это петь, если в кадре он играет на гармошке? И так ясно, что не яичницу жарит. Я на

дыбы: надо переделать. Но как поэт ни старался, становилось все хуже. Наконец, мне позволил режиссер Р. Качанов: «Володя, ради меня перестань мучить поэта». Ладно, думаю, пусть будет как есть. Но режиссеру сказал: попомни мои слова. Кроме твоего крокодила, эту песню никто петь не будет. Я ошибся. Но чаще были ошибки обратного свойства. Думал, как напишу, как запоют... Не тут-то было.

— А как вы проверяете, удалась новая песня или нет? Запоют или не запоют?

— Показываю различным людям. Главным образом не музыкантам. Пою, где придется и кому придется. Смотрю, как реагирует зал...

— Значит, вы полностью доверяете вкусу слушателей?

— Иной раз больше, чем собственным ушам... Вот, скажем, такая история. В 1975 году Краснознаменный ансамбль имени Александрова принял мою песню на слова Льва Ошанина «Победа». И как-то в репертуарной части ансамбля нам сказали, что есть еще одна песня на эту же тему. Слова хорошие, а музыка никуда не годится. Эту песню как раз репетировали. Я послушал и говорю своему знакомому из ансамбля: «Ты меня извини, но что общего с темой?» Он со мной согласился. И не только он. Краснознаменный ансамбль для торжественного концерта выбрал мою песню. А та, другая, была... «День Победы» Тухманова. Самая лучшая, считают, песня композитора. И лучшая, на мой взгляд, песня о Победе.

— Значит, потом она вам понравилась?

— Очень. Но широкие массы слушателей раньше меня разобрались. Поймите меня правильно:

но: я вовсе не считаю, что музыканты в оценке этой песни были не честны. Просто мы, профессионалы, с большим сопротивлением встречаем новое сочинение. Невольно чувствуем себя не слушателями, а судьями. А потом я мучился: почему же мне такую песню написать не удалось? Нет, не точно такую же, свою, но с той же силой воздействия.

— Завидовали?

— А почему нет? Даже злился на себя. Как я мог не понять той элементарной вещи, которую понял Тухманов? Ведь он применил метод в искусстве известный: метод контраста. На мотивах довольно лирических, интонациях, может быть, танцевальных, не претендующих даже на особую свежесть, в сочетании с пронзительными словами, в которых нет ни капли фальши, он создал возвышенный гимн Победе! Этого переосмысливания темы, этой «радости со слезами на глазах», а не просто «грома победы» давно ждали сердца людей. Я считаю песню Тухманова эталпной.

— А у вас какая песня была?

— Торжественная, традиционная, видимо... Вы спрашивали о зависти. Как и всем людям, она мне свойственна. Только я никогда не сделаю ее руководителем своих поступков.

Я Владимиру Яковлевичу говорю об этом, и вообще тут музыковедам судить, но мне кажется, что сам он тоже совершил переворот в подходе к теме. Только к другой теме — детской. Помните? До него авторы песен для детей будто снисходили к малышам, подлаживались пол них, умилялись ими. Таких песен было много, но их... не пели. Исполняли, разучивая в хоре, но не пели — просто так. Как сейчас, например, поют «Антошку» или «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам». Поют потому, что хочется. А ведь дети более

требовательны к песне, чем взрослые. Стихийно они бездарную песню не запоют. А уж если запели... Это взрослые иногда скучное могут принять за глубокомысленное. А дети скуку отвергают сразу.

— Владимир Яковлевич, как же вы поняли, что требует душа ребенка? Видимо, изучали детскую психологию, подобно тому, как Корней Иванович Чуковский изучал когда-то детскую речь?

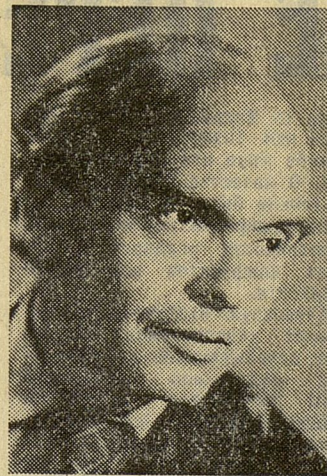
— Во-первых, я ничего такого не изучал. Во-вторых, я не пишу для детей.

— Простите...

— Да, я пишу... для себя. Убежден: в каждом взрослом есть что-то из детства и каждый ребенок, независимо от возраста — сформировавшийся человек. Так что изучать детскую психологию, на мой взгляд, — это все равно, что изучать психологию человека вообще. Было бы слишком нескромным утверждать, что мне это удалось. Для детей я пишу точно так же, как все остальное.

— Но все-таки музыка для детей четырех-пяти лет должна, мне кажется, создаваться по особым законам...

— Ничего подобного. Скажем, мне поэтесса Алла Ламм дала стихотворение «Пропала собака». Неужели я думал, по каким законам мне писать? Сами стихи дали тот настрой, в котором получилась музыка. И если бы мне вдруг сказали, что эту песню я должен написать для людей в возрасте пятидесяти лет, я написал бы то же самое. Надо стараться писать хорошие песни вообще. А дети выберут. Конечно, им ближе сюжеты с кузнечиками, собачками, крокодилами и так далее. Но если произведение по-настоящему художественное, оно бу-

дет иметь успех у аудитории любого возраста. Скажите, вам нравится фильм «Трое из Простоквашино»?

— Конечно.

— И детям он нравится в той же мере. А плохой фильм и у вас вызовет зевоту, и в душе ребенка следа не оставит. То же самое с песней. Разве взрослым не нравятся «Крылатые качели»? Или музыка к фильму «Красная Шапочка»?

Владимир Яковлевич говорит о музыке Рыбникова, Крылатова — теперь многие талантливые композиторы с удовольствием пишут для детей. Думаю, это музыка Шаинского дала новый настрой. Хороших песен для детей теперь пишут много. И в этом, видимо, главная заслуга композитора. Потому что встреча с настоящей музыкой, с настоящими стихами в раннем детстве — это первый этап в воспитании вкуса. Шаг к высокой культуре...

— Владимир Яковлевич, я знаю, что вы окончили консерваторию по классу скрипки, потом — по классу композиции, занимались серьезной музыкой, даже написали ряд симфонических произведений. Как в то время вы относились к композиторам, которые писали песни?

— С огромным уважением. Я поклонник Дунаевского, Солов-

ева-Седого, Блантера, братьев Покрасс, Мокроусова, Богословского, Фрадкина... Специально изучал их произведения, работал с ними, как с пособием. И понял, что, чем выше композитор, тем строже он соблюдает законы классической гармонии. Я сам поклонник классической формы. И горжусь, когда мое сочинение (я говорю и о песне) укладывается в рамки классической структуры. Потому что наиболее благородное, наиболее возвышенное искусство — это искусство наших классиков.

— А ваши симфонические произведения имели успех?

— Они имели успех у различного рода комиссий. А широкая аудитория не слышала их по-настоящему. Но я думаю, что громкого успеха они бы не имели. Это были просто добросовестно выполненные сочинения, вряд ли могущие претендовать на большой резонанс.

— Наверное, жанр песни больше соответствует вашему характеру. Вы так любите поездки, общение с людьми, переклочки — вам, видимо, не чужда жизненная суета, а что-то написать симфонию, например, надо сосредоточиться, уйти от суеты...

— Тот, кто уходит от мира, по-моему, ничего хорошего не напишет. Это верно, принято считать, что творческая личность настолько поглощена искусством, что ей не до «суеты». Если композитор или писатель сиднем сидят, толстеют, курят без меры, как я когда-то, то это считается нормальным. Но однажды я решил: хватит. Задышаюсь, толстею, портится настроение, и музыка рождается какая-то «болезненная». Собирался я, собирался, но все-таки бросил курить. И спортом занялся. Теперь бегу по шесть километров в день (если, конечно, нет аврала в работе). От моего дома до телецентра — семь километров. Если бы не считалось неприличным показываться там в тренировочном костюме, я бы не ездил туда на

машине — бежал бы. Коллеги, конечно, смеются. Считают меня странным. Но я думаю, что странны те, что запустили себя физически, не будучи еще старыми людьми. Я теперь, несмотря на свои пятьдесят восемь, запросто подтягиваюсь на турнике десять — пятнадцать раз. Отжимаюсь от земли раз сто. Могу на большой скорости вести велосипед, глубоко нырять, проплыть большое расстояние. Могу на лыжах в темпе пройти... Мне говорят: ты, мол, так активно занимаешься спортом потому, что хочешь долго жить. Между прочим, никакой спорт долголетия не гарантирует. Есть люди, которые спорта не знают, еле скрипят, а живут долго-долго. Так вот, меня такая жизнь не интересует. Мне нужна жизнь не долгая, а полноценная. Вы, например, знаете, какой это восторг — подводная охота? Скоро поеду к пионерам на Дальний Восток, там такие крабы...

— Но спорт, видимо, мешает вашей работе?

— Только потому, что ему надо уделять много времени. А в остальном помогает... ..Слушаю и удивляюсь: как же Владимир Яковлевич похож на свои песни! В них его искренность и его светлое мироощущение, его мальчишество, озорство даже, и его доброта. Его серьезность, культура — сколько же он хорошей, сложной музыки проиграл и прослушал, прежде чем запели его «Раз словечко, два словечко — будет песенка». Не откуда ли простота, ясность, законченность многих его песен? А может, их и не было бы вовсе без огромного багажа музыкальной культуры?

Впрочем, это уже вопросы для специалистов. А мы ставили перед собой задачу более простую: ближе познакомиться с композитором, чьи сочинения нравятся многим и разным людям.

Вела беседу
И. КРУГЛЯНСКАЯ.